

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-85-102>
EDN: QOFVEQ

Научная статья / Research Article

Новация Уголовного уложения 1903 г.: посягательство на предмет несуществующий или очевидно негодный в качестве обстоятельства непреступности деяния

П.А. Скобликов

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация
skoblikov@list.ru

Аннотация. Актуальность темы статьи определяется необходимостью регулярной корректировки и усовершенствования уголовно-правовой регламентации обстоятельств, которые исключают преступность деяния. Эта необходимость существует перманентно, поскольку общество, его ценности, потребности и представления о справедливости меняются. Появляются новые вызовы и угрозы. Следует также принимать во внимание новые научные результаты, прежде всего в области криминологии и в доктрине уголовного права. Одна из новелл Уголовного уложения 1903 г. состояла в том, что в нем в качестве обстоятельства, влекущего непреступность деяния, предусмотрена направленность на несуществующий предмет или негодный для достижения искомого преступного результата. Показаны теоретические и практические предпосылки данной новации. Представлена и проанализирована практика Правительствующего сената (высший суд Российской империи) относительно посягательств на мнимый или негодный предмет (объект) преступления в период действия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных – предшественника Уголовного уложения 1903 г. Сделан вывод о противоречивости изученной судебной практики и об объективной потребности правоприменителей того времени в четких и разумных критериях по указанному вопросу. Проанализированы идеи и замысел разработчиков Уголовного уложения 1903 г. относительно рассматриваемого обстоятельства, а также соответствующее положение закона. Показано отсутствие практики применения Правительствующим сенатом рассматриваемой новеллы, что объясняется ограниченным действием Уголовного уложения 1903 г. Автор приходит к заключению, что идеи и суждения, высказанные в ходе разработки и оценки соответствующего нормативного предписания могут быть востребованы при совершенствовании УК РФ, где прямо не регламентируется ответственность за покушение на негодный объект, не определены правовые последствия фактической и юридической ошибки. Представленный в статье анализ и выводы также могут быть востребованы при подготовке соответствующих проектов постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: обстоятельства непреступности деяния, Уголовное уложение 1903 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, покушение на негодный объект, мнимое преступление, предмет преступления, ошибка в предмете преступления, практика Правительствующего сената, идеальная совокупность преступлений, общественная опасность деяния

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Скобликов П.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Поступила в редакцию: 21 ноября 2023 г.

Принята к печати: 15 января 2025 г.

Для цитирования:

Скобликов П.А. Новация Уголовного уложения 1903 г.: посягательство на предмет несуществующий или очевидно негодный в качестве обстоятельства неправомерности деяния // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 1. С. 85–102. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-85-102>

Amendment of the Criminal Code of the Russian Empire of 1903: Encroachment on a non-existent or clearly unsuitable object as a circumstance excluding criminal liability

Petr A. Skoblikov

Institute of State and Law, the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

skoblikov@list.ru

Abstract. The relevance of this study is determined by the need for regular adjustments and improvements in the criminal law regulation of circumstances that exclude the criminality of an act. This need is ongoing, as society's values, needs and ideas about justice continually evolve. Additionally, new challenges and threats emerge, and recent scientific findings, particularly in criminology and criminal law doctrine, must also be taken into account. One of the novelties of the 1903 Criminal Code of the Russian Empire was its provision that a direction toward a non-existent or unsuitable object could exclude the criminality of an act. This article examines the theoretical and practical prerequisites for this innovation. It presents and analyzes the practice of the Governing Senate (the highest court of the Russian Empire) concerning offences involving imaginary or unsuitable objects of crime during the period when the Criminal Punishment and Correctional Statute – the predecessor to the 1903 Criminal Code – was in effect. The analysis concludes that there was an inconsistency in the judicial practices, highlighting a pressing need for law enforcers at that time to have clear and reasonable criteria on this issue. The article also analyzes the ideas and intentions of the developers of the 1903 Criminal Code regarding this circumstance, as well as the relevant provisions. It is noted that there was no application of this innovation by the Governing Senate, which can be attributed to the limited duration of the 1903 Criminal Code. The author concludes that the ideas and judgments expressed during the development and evaluation of this normative provision could be valuable for improving the Criminal Code of the Russian Federation. Currently, it does not directly regulate liability for attempts involving unsuitable objects nor define the legal consequences of factual and legal errors. The analysis and conclusions presented in this article may also be relevant in preparing a draft resolution for the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Key words: circumstances excluding criminality, Criminal Code of the Russian Empire of 1903, Code on Criminal and Correctional Punishments, attempts on an unsuitable object, imaginary crime, subject of crime, error regarding subject of crime, practice of the Governing Senate, ideal set of crimes, public danger of an act

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 21st November 2023

Accepted: 15th January 2025

For citation:

Skoblikov, P.A. (2025) Amendment of the Criminal Code of the Russian Empire of 1903: Encroachment on a non-existent or clearly unsuitable object as a circumstance excluding criminal liability. *RUDN Journal of Law*. 29 (1), 85–102. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-85-102>

**Уголовное уложение 1903 г. –
выдающийся памятник российского уголовного права**

Чуть более 120 лет назад императором Николаем II было утверждено Уголовное уложение 1903 г. – последний по времени принятия фундаментальный законодательный акт Российской империи в области материального уголовного права¹. История его создания неординарна. Никакой иной крупный отечественный правовой акт прежде столь основательно не опирался на передовую юридическую науку и актуальную правоприменительную практику, не разрабатывался в обстановке невиданной прежде открытости. Среди его разработчиков – знаменитые ученые того времени, оставившие глубокий след в уголовно-правовой науке, творческое наследие которых до сих пор востребовано – Неклюдов Н.А., Таганцев Н.С., Фойницкий И.Я. Проект Уложения был направлен для получения отзывов на юридические факультеты и в юридические общества России, переведен на иностранные языки, а затем представлен ведущим зарубежным ученым. Помимо этого, что не менее значимо, были запрошены отзывы из региональных судебных и прокурорских учреждений, и в составлении таких отзывов принимали участие опытные практические работники из многих губерний огромной России. Поступившие отзывы обобщались и рассматривались Редакционной комиссией, создавшей проект, а затем ее аргументированная позиция по ним была опубликована.

**Обстоятельства, исключаящие преступность деяния,
в Уголовном уложении 1903 г.**

Одно из достижений Уголовного уложения 1903 г. (далее – Уложение 1903 г.) состоит в том, что в нем впервые в отечественном законотворчестве были обобщены, систематизированы и последовательно регламентированы обстоятельства, исключаящие преступность деяния: 1) исполнение закона (ст. 44); 2) исполнение приказа по службе (ст. 44); 3) необходимая оборона (ст. 45); 4) принуждение со стороны кого-либо (ст. 46); 5) крайняя необходимость (ст. 46); 6) направленность на несуществующий или негодный для совершения преступного деяния предмет (ст. 47)².

Совершенные при данных обстоятельствах деяния объединяет то, что они ущемляют права и законные интересы каких-либо субъектов, причиняют им вред либо создают условие для причинения вреда, содержат признаки преступления, однако предполагается, что по тем или иным причинам эти деяния не представляют общественной опасности, и потому некоторые блага потерпевших в этих случаях лишаются уголовно-правовой охраны. Одному из перечисленных обстоятельств, последнему по порядку изложения, и посвящена настоящая работа.

¹ См.: Уголовное уложение 1903 года // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 7(35). С. 222–245. EDN ZGFLLL.

² Некоторые из означенных статей посвящены сразу двум перечисленным здесь обстоятельствам.

Степень научной разработанности темы настоящего исследования

В ходе мониторинга юридической литературы, изданной после принятия Уложения 1903 г., нам не удалось обнаружить работ, специально нацеленных на анализ и оценку положения, закрепленного в ст. 47 данного правового акта.

Вместе с тем в дореволюционной литературе этот вопрос бегло рассматривался, наряду с другими, в тематически широких изданиях, посвященных Уложению 1903 г. или русскому уголовному праву в целом.

Так, Г.Е. Колоколов в своей работе, ориентированной на критический анализ Уложения 1903 г. (Kolokolov, 1904:37), ограничился тем, что лишь процитировал текст ст. 47. При этом, обращаясь к ст. 49, в части 4 которой содержится постановление по близкой теме – о последствиях покушения с очевидно негодным средством, выбранным по крайнему невежеству или суеверию, – он подверг это постановление критике (Kolokolov, 1904:35–36).

Более информативно высказался П.П. Пусторослев в своих лекциях, изданных в 1907 г. Он отметил три подробности. Во-первых, что в действовавших тогда уголовных законодательствах так называемых культурных государств не содержалось постановлений о покушении над негодным объектом; Уложение 1903 г. в этом смысле явилось исключением. Во-вторых, что судебная практика в этом отношении в разных государствах демонстрировала разнообразие. Например, во Франции судебная практика одни из покушений рассматриваемого вида признавала непроступными, а другие преступными. Германский же имперский кассационный суд с 1880 г. «признавал преступными любые покушения над негодным объектом». В-третьих, П.П. Пусторослев счел, что ст. 47 Уложения 1903 г. «дает довольно удовлетворительное решение вопроса о покушении над негодным объектом», но этим и ограничился, свою позицию аргументировать не стал (Pustoroslev, 1907:416).

Еще подробнее высказался по данной теме Л.С. Белогриц-Котляревский, который не только констатировал отсутствие в зарубежных уголовных кодексах разрешения вопроса о покушении над негодным объектом, а равно шаткость и разноречивость судебной практики в этом пункте, но также отсутствие определенности в *теории уголовного права*. Как и П.П. Пусторослев (а если точнее, то вперед него, поскольку работа П.П. Пусторослева издана несколькими годами позже) Л.С. Белогриц-Котляревский обратил внимание на то, что на фоне иных известных уголовных кодексов Уложение 1903 г. являет собой исключение, но этим ограничился, не дав постановлению из ст. 47 какой-либо оценки (Belogrits-Kotlyarevskii, 1903:183).

Вместе с тем Л.С. Белогриц-Котляревский предложил определенное решение проблемы ответственности за покушения над негодным объектом (поскольку этот автор не указывает, что излагает и поддерживает чью-либо идею, уместно предположить, что она принадлежит Л.С. Белогриц-Котляревскому). Для правильного разрешения вопроса, полагал он, необходимо различать несколько типов покушения рассматриваемого вида³, в зависимости от которых, а также от некоторых дополнительных условий, по-разному решался вопрос о наступлении уголовной ответственности

³ Л.С. Белогриц-Котляревский предлагает выделять следующие типы покушения: а) посягательство на негодный объект в собственном смысле, т.е. на такой, «который не совмещает в себе требуемых по закону условий, определяющих понятие данного преступления» (например, не является попыткой убийства стрельба в пень, если стреляющий ясно видел, что это – пень); б) посягательство на такой объект, «который сам совмещает условия, требуемые для понятие данного преступления, но они не

и квалификации содеянного. Изложение этих идей заняло полторы страницы книги. Предложений о том, как следовало бы изменить или дополнить закон в соответствии с ними, автор не сформулировал. Свои идеи с предписанием ст. 47 Уложения 1903 г. не соотнес (Belogrits-Kotlyarevskii, 1903:182–183).

В советский период интерес к Уложению 1903 г. со стороны правоведов по ряду причин значительно ослаб. Во-первых, этот правовой акт вскоре после смены власти в стране прекратил свое действие. Во-вторых, делались попытки создать и усовершенствовать принципиально новое социалистическое право, призванное способствовать построению, закреплению и развитию социалистического общества, базирующегося на радикально другом типе экономики, исповедующего иные, во многом противоположные, ценности, в связи с чем анализ положений буржуазного кодекса в представлении многих потерял актуальность⁴. В-третьих, проявляющие инакомыслие правоведы подвергались притеснениям и гонениям (сначала ограничениям на занятие профессиональной деятельностью, а позже и уголовным репрессиям), что не способствовало объективному и свободному анализу Уложения 1903 г.⁵.

Справедливости ради стоит отметить, что главный идеолог октябрьской революции 1917 г. в России В.И. Ленин иначе представлял роль права в социалистическом обществе и не предполагал его полную отмену или замену чем-то абсолютно иным⁶. Увы, ни одна революция не развивалась строго по плану. Как бы то ни было, в советских юридических словарях Уложение 1903 г. характеризовалось как одно из самых реакционных уголовно-правых актов царской России. Главное его предназначение виделось в борьбе помещичье-буржуазного правительства с надвигающейся революцией⁷.

В поздний советский и постсоветский период исследовательский интерес Уложению 1903 г. возродился. К настоящему времени насчитывается большое количество публикаций, посвященных этому памятнику права. Кроме того, появилось немало публикаций, в которых рассматриваются различные стороны такого правового

совпадают с теми, на которое направлено было преступное намерение лица» (например, А. хотел украсть бриллиант, но обнаружил, что похитил менее ценный кристалл); в) посягательство на физически несуществующий объект (например, сделана попытка потопить несколько дней назад снесенную мельницу); г) посягательство на объект существующий, но находящийся в другом месте.

⁴ Нарком юстиции РСФСР Стучка П.И. летом 1918 г. писал: «Старые законы были „сожжены“. И напрасно из уцелевших в этом пожарище и обожженных листочков некоторые из наших революционеров стали кроить „уложение русской революции“ (под обожженными листочками имеется в виду, вероятно, Уложение 1903 г. – П.С.), вместо того, чтобы творить действительно новые революционные законы. Пролетарская революция обязывает к творчеству» (Stuchka, 1918:3).

⁵ Так, И.В. Славин в книге с говорящим о многом названием напоминал, что в РСФСР еще в 1919 г. был принят декрет о закрытии юридических факультетов, так как они, по мнению властей, являлись местом мобилизации враждебных сил (Slavin, 1931:10). В этой же публикации автор клеймил агентов буржуазии, которые «на занятых позициях... в организованном порядке ведут свою вредительскую подрывную работу, протаскивают контрабандой свою непримиримую враждебную идеологию, чтобы всевозможными средствами и в самых причудливых формах прививать ее бациллы в доступных областях» (стр. 8). Сам же Славин был репрессирован в 1938 г., посмертно реабилитирован в 1955 г.

⁶ В работе «Государство и революция», написанной в августе–сентябре 1917 г., он утверждал, что в первой фазе коммунистического общества «буржуазное право» отменяется не вполне, а только отчасти, лишь в меру уже достигнутого экономического переворота, по отношению к средствам производства. «Буржуазное право» признает их частной собственностью отдельных лиц, а социализм делает их общей собственностью. Постольку – и лишь постольку – «буржуазное право» отпадает. Но оно остается все же в другой своей части, остается в качестве регулятора распределения продуктов и труда между членами общества. И добавил: других норм, кроме «буржуазного права», нет (Lenin, 2020:143–144).

⁷ См., напр.: Юридический словарь. 2-е изд. М.: Госюриздат, 1956. 2 т. С. 554.

феномена, как обстоятельства непроступности деяния. Тем не менее, обнаружить среди них те, в которых главной задачей авторы ставят анализ ст. 47 Уложения 1903 г., нам не удалось.

Например, в статье В.Т. Гайкова и А.В. Косарева (Gaikov & Kosarev, 2005), где предпринята попытка систематизировать *все* обстоятельства, исключающие преступность деяния (а не только те, которые прямо названы в гл. 8 УК РФ), посягательство на негодный объект даже не упомянуто, как не упомянуто и Уложение 1903 г. При этом исполнение закона в качестве такого обстоятельства⁸ в приведенной работе фигурирует (Gaikov & Kosarev, 2005:78), а оно первый и единственный раз в истории отечественного уголовного законодательства было предусмотрено как раз в Уложении 1903 г. В статье Е.А. Евтушенко, нацеленной на «комплексное исследование института обстоятельств, исключающих преступность деяния», в качестве такого обстоятельства направленность на несуществующий или негодный для совершения преступного деяния предмет также не упомянута (Yevtushenko, 2016:254).

Использование для посягательства негодного предмета упомянуто в статье В.И. Михайлова при перечислении ситуаций, по Уложению 1903 г. устраняющих преступность деяния, но не более того (Mikhailov, 2016:66). Под анализ, даже самый краткий, данная ситуация там не попала⁹.

Судебная практика относительно посягательств на мнимый или негодный предмет (объект) преступления в период действия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных

Согласно ст. 47 Уложения 1903 г. *не считается преступным деяние, направленное на предмет несуществующий или очевидно негодный для совершения того деяния, которое замыслено*. Это нормативное предписание являлось новацией, поскольку в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных¹⁰ данный вопрос не был урегулирован.

Вместе с тем еще до начала разработки проекта Уложения 1903 г. в России сложилась неоднозначная судебная практика относительно посягательств на мнимый или негодный предмет (объект) преступления, явившаяся результатом толкования некоторых общих положений действующего уголовного закона.

Чтобы уяснить судебную практику того времени, необходимо изучить соответствующие решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената, который с 1866 по 1917 г. выполнял функции высшего суда Российской империи. В тот период, как и ныне, толкование закона, осуществленное в каком-либо деле одним судом, было необязательным для другого. А вот *решения Правительствующего Сената в качестве Верховного Кассационного Суда, как разъяснено в решении названного суда по делу Фроловых № 443 за 1869 г., должны приниматься*

⁸ Подробнее об этом обстоятельстве см., напр., предыдущую работу автора (Skoblikov, 2023).

⁹ Возможно, В.И. Михайлов уклонился от анализа посягательства на негодный объект потому, что данное обстоятельство не укладывалось в его концепцию правомерного причинения вреда при наличии любого обстоятельства, исключающего преступность деяния. Хотя согласно ст. 47 Уложения 1903 г. предусмотренные в ней деяния имеют непроступный характер, для вывода о правомерности причинения вреда таким образом нет оснований. Не каждое непроступное деяние является правомерным. Тем более, если деятель замыслил убийство, но ошибся в предмете своего воздействия.

¹⁰ Кодифицированный уголовный закон Российской империи; принят в 1845 г., с определенными изменениями и изъятиями действовал до 1917 г. включительно.

как руководство к единообразному применению и исполнению законов (Lutkov, 1872:72).

Позиция уголовного кассационного департамента Правительствующего сената по данному вопросу, пожалуй, наиболее полно отражена и аргументирована в определении по делу мещанина Пономарёва № 99 за 1874 г. Высший суд указал, что *если преступное намерение подсудимого было направлено против объекта мнимого, или такого, который не мог быть вовсе предметом преступления, то деяние не подлежит уголовному преследованию*. Данный вывод был обоснован следующим. Действующий закон признает совершившимся преступление, «когда в самом деле последовало преднамеренное виновным или иное от его действий зло», а потому, если зло, вследствие несуществования объекта преступления или абсолютной его негодности не могло вовсе последовать (убийство уже мертвого человека, изгнание плода у женщины не беременной), то не может быть наказуемости деяния, как совершившегося (оконченного, если пользоваться современной терминологией) преступления. Точно также в таком деянии нельзя видеть и покушения на преступление, которое есть приведение злого умысла в исполнение, ибо *не может быть начала приведения в исполнение того, что абсолютно невозможно исполнить* (курсивом выделена дословная формулировка из цитируемого решения; это важный вывод, запомним его)¹¹.

Вместе с тем изложенного оказалось недостаточным для вынесения решения по делу № 99; в связи с его особенностями уголовный кассационный департамент Правительствующего сената (далее – Кассационный департамент) расширил свою позицию и высказал дополнительные аргументы, представляющие значительный интерес в связи с рассматриваемой темой. Прежде чем воспроизвести и обсудить все это, целесообразно привести фабулу дела; она облегчит понимание правовой позиции Кассационного департамента.

В свое время обвиняемый Пономарёв выдал вексель потерпевшему Белоусову на сумму 372 руб. Затем Белоусов обратился к обвиняемому с просьбой вексель переписать, так как был не согласен с его формой. Обвиняемый, имея целью уничтожить свой вексель и отказаться от уплаты долга, при встрече вырвал бумагу из рук Белоусова и изорвал ее. Вот только оказалось, что уничтоженная бумага являлась векселем, выданным другим лицом – Фивейским. Этот документ Белоусов принес с собой в качестве образца правильного оформления векселя. Московский окружной суд квалифицировал содеянное как покушение на преступление, предусмотренное ст. 1657 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в редакции 1866 г. (далее – Уложение 1866 г.)¹².

Кассационный департамент констатировал, что в Общей части Уложения 1866 г. действительно нет положения, которое бы прямо разрешало данный вопрос, но основанием к его разрешению могут служить следующие положения Общей части. На основании ст. 10 преступление считается совершившимся, когда в самом деле последовало преднамеренное виновным или другое от его действия зло; а на основании ст. 109, если подсудимый при совершении какого-либо преступления тем

¹¹ См.: Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1874 г. Неофиц. изд. Екатеринослав : Тип. Исаака Когана, 1910. С. 146.

¹² Этой статьей предусмотрена ответственность за похищение или истребление принадлежащих другому каких-либо актов, документов или бумаг в намерении доставить себе или третьему лицу противозаконную выгоду.

самым хотя и без прямого на то умысла учинит еще другое преступление, то он подлежит наказанию по правилам о совокупности преступлений¹³.

Постигая смысл этих статей, указал Кассационный департамент, нельзя не прийти к убеждению, что если наш закон уголовный, согласно с общим принципом уголовного права о ненаказуемости одного злого умысла, *преследует*, как выше это было изложено, *только такое проявление злой воли, которое могло осуществиться на деле*, т.е. иметь последствием действительное зло, то с другой стороны он преследует всякое осуществившееся зло и наказывает оное как самостоятельное преступление, хотя бы учинивший зло и не имел на то прямого намерения, лишь бы оно было последствием приведения в исполнение злой воли подсудимого. Этим самым разрешается и вопрос об ошибке в объекте преступления, а именно: *если объект, на который по фактической ошибке обвиняемого направлено было преступление, оказался предметом, который по свойству своему не мог быть вовсе объектом преступления* и от деяния обвиняемого никакого правонарушения не последовало, то он не подлежит вовсе уголовной ответственности; если же, напротив, объект этот мог быть предметом преступления, и зло последовало, хотя и не вполне тождественное с тем, которое подсудимый имел в виду совершить, то обвиняемый подлежит наказанию за совершившееся зло как за самостоятельное преступление¹⁴.

Применив эти соображения к делу № 99, Кассационный департамент пришел к выводу об отсутствии существенных признаков покушения на преступление, задуманное Пономарёвым, и признал его «виновным лишь в умышленном изорвании чужого документа», т.е. в менее тяжком преступлении, предусмотренном ст. 1622 Уложения 1866 г.¹⁵

Надо отметить, что первая часть заявленной правовой позиции Кассационного департамента (где сделана ссылка на действующее законодательство, неявно допускающее ответственность за идеальную совокупность преступлений в случае ошибки в предмете преступления), противоречит ее второй части (при ошибке в предмете преступления ответственность за совокупность преступлений отрицающей), хотя это противоречие и не сразу заметно. Если руководствоваться первой установкой и согласиться с необходимостью применения в подобных делах правила о совокупности преступлений¹⁶, тогда следует заключить, что имелись основания квалифицировать действия обвиняемого как совокупность преступлений: покушение на преступление, предусмотренное ст. 1657 и завершённое (оконченное) преступление, предусмотренное ст. 1622.

Поясним подробнее наш тезис. Модифицируем фабулу дела Пономарёва. Допустим, потерпевший Белоусов пришел к нему, держа в руках не вексель Фивейского, а образец заполнения векселя – простую бумагу, выглядящую как вексель, но векселем или каким-либо документом не являющуюся. Эту бумагу Пономарёв вырвал из рук Белоусова и, считая, что она является подписанным Пономарёвым векселем,

¹³ Строго говоря, эта ссылка Кассационного департамента на закон не корректна, поскольку буквальный текст ст. 109 иной: «...учинит еще другое, более тяжкое...». Как будет показано ниже, в рассмотренном деле имело место другое, но *менее тяжкое* преступление, и, следовательно, оно не подлежит вменению в совокупности.

¹⁴ См.: Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1874 г. С. 147.

¹⁵ См.: Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1874 г. С. 147–148.

¹⁶ Согласимся, абстрагировавших от буквального смысла действовавшего тогда законодательства и приняв позицию Кассационного департамента, опираясь при этом на принципы разумности и справедливости.

уничтожил. Следуя логике решения, принятого Кассационным департаментом, в этом случае Пономарёв вообще не должен привлекаться к уголовной ответственности. Между тем если объект посягательства¹⁷ – субъективное право Белоусова на взыскание долга с Пономарёва, то этот объект не мнимый, он реально существовал в момент посягательства и находился под уголовно-правовой защитой. Предмет посягательства также существовал и, более того, в момент неудачного посягательства находился, вероятно, в непосредственной близости от посягающего, который потопился и не сумел точно определить его локацию.

В этом месте будет правильным сделать небольшое отступление, сопоставить практику высшего суда России позапрошлого века с современным положением и указать, что в целом приведенный подход контрастирует со многими постановлениями Пленума Верховного Суда РФ, который свои правовые позиции обычно не обосновывает, и которому следовало бы взять в этой части практику своего дальнего предшественника за образец¹⁸.

Итак, в деле № 99 Кассационный департамент заявил двойственную позицию, которая объективно предопределяла возможность произвольного толкования в подобных делах, создавала предпосылки для ухода от строгой ответственности опасных преступников (например убийц), либо давала аргументы для привлечения их к ответственности за покушение на преступление, если некоторые суды будут опираться на первую часть позиции Кассационного департамента, игнорируя при этом ее вторую часть¹⁹.

Исходя из первой части, нельзя признать, что преступный план Пономарёва «абсолютно невозможно исполнить». Напротив, он был реалистичным и перспективным. Белоусов по двум причинам должен был принести с собой подписанный Пономарёвым вексель. Первая причина: для того, что при заполнении нового векселя иметь возможность сверить какие-то подробности. Вторая причина: для того, чтобы после заполнения и подписания нового векселя вернуть прежний вексель Пономарёву (в противном случае его долг удвоился бы). По всей видимости, вексель Пономарёва Белоусов держал при себе (в кармане, например), но случился «фальстарт» преступника. Соответственно, имело место неудачное покушение на преступление, которое по случайности преступнику не удалось довести до конца (чуть позже он без помех мог бы завладеть нужной бумагой и уничтожить ее). Важно также отметить, что известны иные подобные дела, которые Кассационный департамент разрешил по-другому²⁰.

¹⁷ Что такое объект посягательства, ни в деле № 99, ни в Уложении 1866 г. не разъясняется.

¹⁸ Согласно ст. 126 Конституции РФ ст. 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» Верховный Суд РФ дает разъяснения по вопросам судебной практики, которые облекаются в форму постановлений Пленума данного Суда. Разъяснение предполагает наличие объяснения того, почему Пленум занял ту или иную позицию, отчего определенная правовая норма толкуется им так, а не иначе. Однако этого не соблюдается. Подробнее об этом см. другую работу автора (Skoblikov, 2019:64–65).

¹⁹ Симптоматично, что Редакционная комиссия в своих объяснениях к проекту Уложения 1903 г. довольно подробно разбирает первую часть позиции Кассационного департамента в деле № 99 (и соглашается с ней), но даже не упоминает о существовании второй части.

²⁰ Так, в деле № 568, рассмотренном в 1868 г., было установлено, что обвиняемый крестьянин Юхонов взломал замки на риге с намерением украсть находившийся там хлеб, но намерение не осуществилось, поскольку в риге не оказалось хлеба. Защитник Юхонова в кассационной жалобе указал, что отсутствие предмета преступления делает невозможным как само преступление, так и покушение на него. Кассационный департамент нашел, что деяние вполне подходит под предусмотренное в законе понятие покушение на преступление, а случайное отсутствие той вещи, на которую было направлено

Теперь проиллюстрируем опасность дела Пономарёва как прецедента. Допустим, некто замыслил убийство и ночью выстрелил в окно дома. Злоумышленник знал, где находится спальня и кровать жертвы, но в момент выстрела этот человек не ночевал дома, либо вышел в другую комнату. Пуля разбила окно, повредила постельные принадлежности и застряла в кровати. Следуя второй части правовой позиции Кассационного департамента, пустая постель не может быть объектом либо предметом умышленного убийства, а тело жертвы нападению не подверглось. Соответственно, виновный должен отвечать за умышленное уничтожение и (или) повреждение чужого имущества, а вот оснований для привлечения его к ответственности за покушение на убийство нет.

Здесь уместно заметить, что по классификации Л.С. Белогриц-Котляровского, вкратце представленной выше, действия Пономарёва следует расценить как «посягательство на объект существующий, но находящийся в другом месте». В таком случае вопрос об ответственности за покушение Белогриц-Котляровский предлагал решать в зависимости от осведомленности посягающего о нахождении предмета преступления. Если злоумышленник потерпит неудачу в силу случайности, то его ответственность должна наступить (Belogrits-Kotlyarevskii, 1903:182–183).

В объяснениях Редакционной комиссии представлен анализ судебной практики некоторых западных стран (Франции, Германии), которая оказалась непоследовательной и противоречивой. Для преодоления этого порока некоторые французские криминалисты (Garraud, Lainé) предлагали *провести различие между абсолютно и относительно негодными объектами, признавая безнаказанность только случаев первого рода*²¹.

Таким образом, *имелась насущная необходимость представить в отечественном уголовном законодательстве разумные и четкие критерии разграничения общественно опасных и неопасных деяний, при совершении которых лицо стремилось к достижению преступного результата, но не достигло его в силу своего заблуждения или случайности.*

Толкование ст. 47 Уложения 1903 г.

Вернемся к ст. 47 Уложению 1903 г. Ключевым моментом для понимания ее нормативного предписания является уяснение того, что законодатель подразумевает под предметом преступного деяния. К сожалению, значение этого термина в Уложении 1903 г. не раскрывается.

В ныне действующем российском уголовном законе также не дается определения данному термину, но зато он законодателем и не используется. Соответствующее понятие разрабатывается в теории уголовного права, при этом его единообразного понимания среди правоведов нет. Вместе с тем к середине 70-х гг. XX в. возобладала и до сих пор поддерживается большинством точка зрения, согласно которой предмет преступления – это вещь, элемент материального мира, на который

преступление, не лишает совершенные действия «преступного характера и не низводит на степень таких деяний, которые не заключают в себе ничего противозаконного, и не подлежат наказанию» (Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1868 г. Неофиц. изд. Екатеринбург : Тип. Исаака Когана, 1910. С. 616–617).

²¹ Уголовное уложение. Объяснения к проекту Редакционной комиссии. Т. 1. Гл. 1. С.-Петербург, 1895. С. 390.

осуществляется воздействие в ходе совершения преступления²². Однако если опираться на данное определение, замысел разработчиков проекта Уложения 1903 г. будет существенно искажен. В представлении Редакционной комиссии предмет преступного деяния есть сложное (составное) понятие, поскольку рассматриваемый термин имел не менее трех значений, каждое из которых следует учитывать при раскрытии содержания ст. 47 Уложения 1903 г.

Всякое преступное деяние является отрицанием или противодействием велению или запрету, выраженному в законе. Отсюда вытекает, что *в первом значении предметом преступного деяния считается правовая норма*, облеченная в приказ или закон. Условия для применения ст. 47 Уложения 1903 г. могут сложиться, например, когда лицо, считающее, что некоторые вещи запрещены для ввоза в страну, скрытно (с использованием тайника) ввозит их через таможенную границу, но заблуждается относительно существования запрета и тем самым посягает на мнимую правовую норму.

Нормы права предусматривают субъективные права, носителем которых являются отдельный индивидуум, корпорация, общество в целом или государство. Это *субъективное право также могло бы предметом преступного деяния*, по представлению членов Редакционной комиссии, это второе значение данного термина. Субъективное право, как понятие отвлеченное, не обладает свойством годности-негодности в качестве предмета посягательства, но оно может существовать или не существовать, и в последнем случае усматриваются условия для применения ст. 47 Уложения 1903 г. Например, кто-то самовольно издает чье-либо сочинение и полагает, что тем самым учиняет контрафакцию (нарушает авторское право или исключительное право на результат интеллектуальной деятельности), что в определенных случаях находится под уголовно-правым запретом. Издатель опасается уголовной ответственности, но сознательно идет на риск. При всем том он не учитывает, что с момента смерти автора прошло много лет, и произведение перешло в общественное достояние (по законодательству конца XIX в. для этого требовалось 50 лет²³); соответственно, запрет утратил силу.

Субъективные права воплощаются в конкретных предметах: вещах, действиях и состояниях (здоровье, покой, тишина и проч.), охраняемых правовыми нормами. И на них *также могут посягать противоправные деяния. Это третье значение предмета преступного деяния*. Итак, предписание ст. 47 Уложения 1903 г. в качестве предмета охватывает те блага, которые в действительности не существуют или по какой-то причине не пользуются юридической охраной.

Если же предмет преступного деяния существовал, обладал охраняемыми законом свойствами, но по какой-то случайности не находился в предполагаемых месте или подходящих условиях в момент посягательства, то оснований для применения ст. 47 Уложения 1903 г., по мнению Редакционной комиссии, не усматривается. Вор,

²² В рамках такого понимания есть определенные вариации и нюансы, но суть отражена в приведенной формулировке. См., напр.: диссертационное исследование Н.И. Коржанского (Korshansky, 1976:9); курс уголовного права под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой (Kuznetsova & Tyazhkova (eds.), 2002:216); публикацию Б.В. Елифанова (Erfanov, 2015:71), и др.

²³ В соответствии с Бернской конвенцией об охране литературных и художественных произведений, заключенной 9 сентября 1886 г. в Берне (Швейцария). Причем Российская империя уже в преддверии этого события стала менять свое законодательство, выходить из других соглашений, которые противоречили данной конвенции.

который взломал замок сундука и обнаружил, что сундук пуст, виновен в покушении на кражу со взломом²⁴.

Наконец следует упомянуть, что *Редакционная комиссия в своих объяснениях (как и Кассационный департамент в рассмотренных решениях) не проводила различия между предметом и объектом преступного деяния, зачастую используя их как синонимы.*

Результаты исследования практики применения нормативного предписания из ст. 47 Уложения 1903 г.

В рамках настоящего исследования предпринималась попытка выяснить, какое воздействие на правоприменительную практику оказало введение в действие рассматриваемого здесь нормативного предписания (о том, что направленность деяния на предмет несуществующий или очевидно негодный для реализации возникшего умысла является обстоятельством, влекущем непреступность деяния), а также установить, каким образом интерпретировалось это нормативное предписание правоприменителями. Выполнение поставленной задачи осложнено рядом факторов, центральное место среди которых занимает необычный порядок введения в действие Уложения 1903 г.²⁵ Императорский Указ об его утверждении от 22 марта 1903 г. не содержал данных о времени и порядке вступления в силу. Решение этого вопроса было оставлено на усмотрение верховной власти.

Законом от 7 июня 1904 г. введены в действие лишь постановления о преступных деяниях государственных, а именно: главы 3-я, 4-я, а также отдельные статьи из глав 5-й «О смуте», 7-й «О противодействии правосудию», 21-й «О подлоге» и 37-й «О преступных деяниях по службе государственной и общественной». Затем законом 14 марта 1906 г. введены в действие, со значительными изменениями и дополнениями, постановления главы 2-й «О нарушении ограждающих веру постановлений». Также ограничено – по отношению к преступным деяниям, предусмотренных указанными главами и статьями – введена в действие и Общая часть, то есть глава 1-я Уложения 1903 г. (Sergeevskii, 1911:29), а, соответственно, и ст. 47.

Особый интерес в связи со всем изложенным представляет изучение решений Кассационного департамента. Напомним, его толкование закона было обязательным для иных судов. Нами изучены доступные издания с решениями за 1905–1914 гг.²⁶

²⁴ См.: Уголовное уложение. Объяснения к проекту Редакционной комиссии. Т. 1. Гл. 1. С.-Петербург, 1895. С. 393.

²⁵ Так же значимо то обстоятельство, что архивы судов 1-й инстанции и правоохранительных органов, функционировавших в начале XX века, из-за череды революций и последовавшей за ними гражданской войны, в подавляющем большинстве, не сохранились.

²⁶ См.: Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1905 год. Издание неофициальное. Екатеринослав : типография Исаака Когана, 1911. 35 с.; Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1906 год. Издание неофициальное. Екатеринослав : типография Исаака Когана, 1911. 52 с.; Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1907 год. Издание неофициальное. Екатеринослав : типография Исаака Когана, 1911. 47 с.; Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1908 год. Издание неофициальное. Екатеринослав : типография Исаака Когана, 1911. 28 с.; Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1909 год. С.-Петербург: Типография товарищества «Общественная Польза», 1910. 22 с.; Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1910 год. С.-Петербург : Типография т-ва «Общественная Польза», 1911. 32 с.; Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1911 год. С.-Петербург : Типография т-ва «Общественная Польза», 1912. 19 с.; Решения Уголовного

Период изучения намечен в указанных границах потому, что дела, разрешенные в суде 1-й инстанции во второй половине 1904 г., могут быть рассмотрены в высшем суде не ранее 1905 г. – это, с одной стороны. А с другой – 1 августа 1914 г. Россия вступила во Вторую мировую войну, все местности империи были объявлены на военном положении или на положении чрезвычайной охраны²⁷, поэтому все институты государства начали функционировать в ином режиме, при том что правоприменение в условиях чрезвычайного и военного времени в объект нашего исследования не входит.

Каков итог? Ни в одном из проанализированных решений не была обнаружена ссылка на ст. 47 Уложения 1903 г. Чем можно объяснить такой результат? Вероятно, в судах первой инстанции ст. 47 Уложения 1903 г. не применялась вообще либо применялась крайне редко, поэтому ни один приговор со ссылкой на ст. 47 не был обжалован в высший суд. Такое положение, в свою очередь, можно объяснить тем, что в делах, где квалификация содеянного предполагает возможность применения ст. 47 Уложения 1903 г., по-прежнему применялось Уложение о наказаниях уголовных и исправительных²⁸. Как показал наш анализ решений Кассационного департамента, в тех немногих случаях, когда содеянное квалифицировалось по Уложению 1903 г., чаще всего применялась ст. 129, а также ст. 125, 126, 127 и 132 (все они размещены в гл. 5 «О смуте»). Причем ни в одном решении не обнаружена ссылка не только на рассматриваемое обстоятельство, но и на какое-либо иное, исключаящее преступность деяния, – исполнение закона или приказа, необходимую оборону, крайнюю необходимость (ст. 44–46 Уложения 1903 г.).

По данным М.М. Исаева, буржуазное правительство Латвии, образовавшееся в конце 1918 г., указом от 6 декабря подтвердило действие Уложения 1903 г. на своей территории, да еще и в полном объеме (Isaev, 1925:82). А по данным В. Куфаева, 21 июня 1919 г. Польским сеймом было почти в полном объеме одобрено действие Уложение 1903 г. на территории Польши²⁹. Изменения коснулись карательной системы – вместо каторжных работ введены каторжные тюрьмы и др. (Kufaev, 1923), и, по всей видимости, не затронули рассматриваемое здесь положение ст. 47.

Если принять во внимание приведенную информацию, открывается направление дальнейшего исследования рассматриваемой здесь темы, поскольку то, как сложилась практика применения Уложения 1903 г. в Латвии и Польше, представляет научный интерес, может дать дополнительный материал для оценки положения, содержащегося в ст. 47 и других статьях данного памятника права. В то же время такие изыскания требуют привлечения специалистов, знакомых с правовыми системами Латвии и Польши, знающими их государственный язык. Потребуется доступ к архивам и библиотекам этих государств, содействие местных властей. Перечисленное по известным причинам в настоящее время невозможно, следует дожидаться изменений на международной арене.

кассационного департамента Правительствующего Сената за 1912 год. С.-Петербург : Типография т-ва «Общественная Польза», 1913. 34 с.; Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1913 год. С.-Петербург: Типография т-ва «Общественная Польза», 1914. 31 с.; Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената за 1914 год / Под ред. проф. М.Н. Гернета [и др.] с коммент. Москва, 1915. 39 с.

²⁷ Собр. Узак. 1914 г. № 199.

²⁸ Дела о лишении жизни (гл. 22), телесных повреждениях и насилии над личностью (гл. 23), преступных деяниях против личной свободы (гл. 26), повреждении имущества (гл. 30), воровстве и разбое (гл. 32), мошенничестве (гл. 33), и т.д.

²⁹ Латвия и Польша до октябрьской революции 1917 г. входили в состав Российской империи.

Решение вопросов, поставленных в ст. 47 Уложения 1903 г., в современной российской доктрине, законодательстве и правоприменительной практике

В современной российской доктрине ситуации, предусмотренные в ст. 47 Уложения 1903 г., описываются в иных терминах и охватываются иными понятиями: «неоконченное преступление», «негодное покушение», «покушение на негодный объект», «покушение на негодный предмет», «фактическая ошибка», «юридическая ошибка»; как синонимы последнего используются термины «ошибка в праве», «ошибка в запрете», «ошибка в противоправности» (Fatkulina, 2001) и некоторые другие. При этом в уголовном законодательстве указанные ситуации прямо не регламентируются, правоприменительные органы дают им оценку, ориентируясь на сложившиеся традиции, позиции правоведов и судебную практику.

Так, покушение на негодный объект определяется на официальном сайте Генпрокуратуры России через ситуацию, «когда, вследствие особых свойств предмета посягательства, действия виновного не посягают на намеченный им объект уголовно-правовой охраны и не могут фактически причинить ему вреда (желая завладеть имуществом, вместо человека стреляет в манекен). Особенность такого негодного покушения состоит в том, что преступление не может быть окончено в силу фактической ошибки, допускаемой виновным»³⁰. Можно было бы ожидать, что данное определение будет выведено путем толкования общих предписаний и правил, закрепленных в УК РФ, но какие-либо отсылки к закону (или другому источнику) на указанном сайте отсутствуют.

Правоведы, в большинстве своем, исходят из того, что негодное покушение не исключает общественной опасности содеянного и влечет уголовную ответственность. Любое покушение на негодный объект надо квалифицировать как покушение на задуманное преступление (Obrazhiev & Pikurov (eds.), 2023:167–168). При этом считается, что если в случае негодного покушения реально причиняется вред иным объектам, то вопрос об ответственности в этой части решается в зависимости от действительного психического отношения лица и законодательного описания вины к такому вреду. Эти воззрения, в основном, поддерживаются судебной практикой (и наоборот)³¹.

Вместе с тем в представлениях о том, что из себя представляют фактическая и юридическая ошибки, каковы их подвиды, пределы (объем обстоятельств, по поводу которых происходит заблуждение) и какими должны быть уголовно-правовые последствия данных ошибок, наблюдается существенная вариативность. Довольно обширный обзор позиций представлен в диссертационном исследовании М.Б. Фаткулиной (Fatkulina, 2001). В части более поздних исследований и публикаций этот обзор дополняет статья О.С. Хорошиловой (Khoroshilova, 2015).

³⁰ См.: Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_47/activity/legal-education/explain/other?item=59255581 (дата обращения: 30.09.2024).

³¹ Один из вариантов покушения на негодный объект предусмотрен, например, в п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 59): «если должностное лицо путем обмана или злоупотребления доверием получило ценности за совершение в интересах дающего или иных лиц действий (бездействие) либо за содействие таким действиям, *которые оно не может осуществить ввиду отсутствия соответствующих служебных полномочий или должностного положения*, содеянное следует квалифицировать как мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения. *Владелец переданных ценностей в указанных случаях несет ответственность за покушение на дачу взятки или коммерческий подкуп*» (курсив наш – автор).

В задачи настоящего исследования не входит всестороннее и полное раскрытие темы, вынесенной в название текущего раздела. Обращение к ней носит вспомогательный характер, оно призвано подсветить и подчеркнуть значимость основного (исторического) материала статьи. Исходя из этого, целесообразно констатировать следующее. В отсутствие в УК РФ нормативных предписаний, определяющих, что из себя представляют покушение на негодный объект (предмет), фактическая и юридическая ошибки, а также их уголовно-правые последствия, повышается правовая неопределенность, возникают условия для различного понимания указанных правовых феноменов, непоследовательного и противоречивого правоприменения (как со стороны органов предварительного расследования, так и судов), нарушения принципов законности и справедливости, привлечения к ответственности тех, чьи деяния не представляют общественной опасности, и, наоборот, уклонения от ответственности других, общественно опасные деяния совершивших. Практически все исследователи, кто обращались к данной теме на уровне диссертационных исследований, выдвигали и обосновывали определенные дополнения действующего уголовного закона, но законодатель эти предложения не замечает. Также выдвигалась идея принятия соответствующих постановлений Пленума Верховного Суда РФ (например, «О судебной практике по делам, связанным с юридической или фактической ошибкой»), предлагались проекты постановлений. Но и эти предложения не реализованы.

Заключение

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что законодатель в ст. 47 Уложения 1903 г. в полной мере использовал абстрактный прием подачи законодательного материала³². Если сравнить формулировки, использованные там для описания обстоятельств, исключающих преступность деяния, то следует заключить: в ст. 47 степень обобщения наибольшая. Такой подход требует высокого уровня развития юридической науки и образования, профессионализма и добросовестности правоприменителей, предполагает значительную роль высшего суда, обеспечивающего единообразное понимание оценочных понятий, компенсирующего своими разъяснениями крайнюю лаконичность закона. При отсутствии перечисленного складываются условия для произвольного толкования правовых норм и нормативных предписаний, принятия несправедливых решений и злоупотреблений, уклонения от ответственности опасных преступников и наказания лиц, общественной опасности не представляющих, усиления коррупции и проч.

По ряду причин практика применения ст. 47 Уложения 1903 г. в Российской империи не сложилась. Однако есть некоторые шансы в будущем обнаружить ее на территории Польши и Латвии, где Уложение 1903 г. применялось после Октябрьской революции 1917 г.

Представленный в статье анализ решений Правительственного сената относительно рассмотренного обстоятельства непроступности деяния демонстрирует следующий алгоритм действий в случае обнаружения пробела в Общей части уголовного законодательства: высший суд, опираясь на закрепленные в законодательстве нормы и предписания, путем логических операций выводит правила, прямо не сформулированные законодателем и заполняющие пробел, при этом раскрывая свои умозаключения и их правовые основания в решениях. Подобные решения, даже если они содержательно неоднозначны и недостаточно убедительны, обеспечивают

³² Подробнее об этом приеме см., напр., работу *Соловьева О.Г.* (Solovev, 2016).

верховенство закона, способствуют развитию правовой доктрины, совершенствованию законодательства. Данный подход контрастирует со многими постановлениями Пленума Верховного Суда РФ, который свои правовые позиции обычно не обосновывает, и которому следовало бы взять в этой части практику своего дальнего предшественника за образец.

Необходимо также указать, что представленный в статье материал может быть востребован в ближайшем или отдаленном будущем, когда занимающиеся законодательством органы и лица приступят к разработке поправок к действующему Уголовному кодексу в части рассмотренного в статье обстоятельства непроступности деяния либо будет начата разработка нового Уголовного кодекса. Высказанные в прошлом и систематизированные в статье правовые идеи, представленные в ней доводы «за» и «против», опыт законотворчества и правоприменения расширят горизонт современных разработчиков нового закона, поспособствуют поиску и принятию оптимальной правовой модели. Каким должен быть данный закон? При разрешении подобного вопроса изучение прошлых эпох дает незаменимое руководство векового опыта, отметил в свое время выдающийся русский правовед, государственный и общественный деятель Н.Д. Сергеевский. Для понимания, оценки и критики уголовного закона необходимо знать его историю; в противном случае все наши суждения лишены будут прочного основания.

Наконец, полезно отметить, что необходимость в усовершенствовании уголовно-правового регулирования обстоятельств, которые исключают преступность деяния (включая корректировку перечня этих обстоятельств), существует и будет существовать, поскольку общество, его ценности, потребности и представления о справедливости меняются. Возникают новые угрозы и вызовы, требующие своевременного и адекватного реагирования. Следует также принимать во внимание новые научные результаты, прежде всего в области криминологии и в доктрине уголовного права. Они регулярно появляются и будут появляться.

References / Список литературы

- Belogrity-Kotlyarevskii, L.S. (1903) *Textbook of Russian criminal law. General and special parts*. Kiev etc.; South Russian publishing house of F.A. Ioganson. (in Russian).
Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. Киев и др. : Южно-Русское кн-во Ф. А. Иогансона, 1903. 618 с.
- Epifanov, B.V. (2015) The subject of a crime: the concept and problems of law-making. *Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2(66), 70–74. (in Russian).
Епифанов Б.В. Предмет преступления: понятие и проблемы правотворчества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 2 (66). С. 70–74.
- Fatkullina, M.B. (2001) *Legal and factual errors in criminal law (problems of qualification)*. Dis. of Candidate of Legal Sciences. Yekaterinburg, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. (in Russian).
Фактуллина М.Б. Юридические и фактические ошибки в уголовном праве (проблемы квалификации) : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург : Уральский юрид. ин-т МВД России, 2001. 199 с.
- Gaikov, V.T. & Kosarev, A.V. (2005) The concept of circumstances precluding the criminality of an act and their classification. *News of higher educational institutions of the North Caucasus region. Social Sciences*. (3), 77–79. (in Russian).
Гайков В.Т., Косарев А.В. Понятие обстоятельств, исключающих преступность деяния, и их классификация // Известия ВУЗов Северо-Кавказского региона. Общественные науки. 2005. № 3. С. 77–79.

- Isaev, M.M. (1925) *General part of criminal law of R.S.F.S.R.* Leningrad, State publishing house. (in Russian).
Исаев М.М. Общая часть уголовного права Р.С.Ф.С.Р. Ленинград : Гос. изд-во, 1925. 199 с.
- Khoroshilova, O.S. (2015) Attempt at crime and the factual error. *Bulletin of Kemerovo State University*. 4–2(64), 258–261. EDN VAUGFR.
Хорошилова О.С. Покушение на преступление и фактическая ошибка. Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4–2(64). С. 258–261. EDN VAUGFR.
- Kolokolov, G.E. (1904) *New criminal code: Interpretation and critical analysis*. Moscow: Typolithography of U. Vener successor of O. Falk Publ. (in Russian).
Колоколов Г.Е. Новое уголовное уложение: толкование и критический разбор. М. : Типолит. Ю. Венер преемн. О. Фальк, 1904. 44 с.
- Korshansky, N.I. (1976) *The Subject of the Crime*. Volgograd: Higher Investigative School. (in Russian).
Коржанский Н.И. Предмет преступления. – Волгоград: Высш. следств. школа. 1976. 56 с.
- Kufaev, V. (1923) The Criminal Code Enacted in the Polish State on May 1, 1921. *Law and life*. (5–6), 130–131. (in Russian).
Куфаев В. Уголовный кодекс, введенный в действие в Польском государстве с 1 мая 1921 г. // Право и жизнь. 1923. Кн. 5–6. С. 130–131.
- Kuznetsova, N.F. & Tyazhkova, I.M. (eds.). (2002) *Course of Criminal Law*. General Part. Vol. 1. The Doctrine of Crime. Moscow, Zertsalo Publ. (in Russian).
 Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М. : Зерцало, 2002. 624 с.
- Lenin, V.I. (2020) *State and revolution*. Moscow, AST Publ. (in Russian).
Ленин В.И. Государство и революция. М. : АСТ, 2020. 480 с.
- Lutkov, D.V. (1872) *Collection of information explaining the practical application of the Penal Code, extracted from collections: a) the highest approved opinions of the State Council, b) decisions of the Governing Senate (ed. 1864, 1865 and 1866), c) decisions of the Criminal Cassation Department (for 1866–1870 and the first half of 1871), decisions of the General Military Court and other periodicals*. Compiled by D. Lutkov, member of the Tula District Court. Moscow, Printing house T. Rees. (in Russian).
Лутков Д.В. Сборник сведений, разъясняющих применение на практике Уложения о наказаниях, извлеченных из сборников: а) высочайше утвержденных мнений Государственного совета б) решений Правительствующего сената (изд. 1864, 1865 и 1866 г.) в) решений Уголовного кассационного департамента (за 1866–1870 и первую половину 1871 г.) решений Главного военного суда и других повременных изданий / сост. Д. Лутков, член Тульск. окр. суда. М. : Тип. Т. Рис, 1872. 370 с.
- Mikhailov, V.I. (2016) The institution of lawful harm (circumstances precluding the criminality of the act) in the Criminal Code of 1903. *Journal of Russian Law*. (5), 65–72. (in Russian).
Михайлов В.И. Институт правомерного вреда (обстоятельств, исключающих преступность деяния) в Уголовном уложении 1903 г. // Журнал российского права. 2016. № 5. С. 65–72.
- Obrazhiev, K.V. & Pikurov, N.I. (eds.). (2023) *Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation: in 3 vols*. Vol. 1. General part. Moscow, Prospekt Publ.
 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 3 т. Т. 1: Общая часть / под науч. ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова. М. : Проспект, 2023. 528 с.
- Pustoroslev, P.P. (1907) *Russian criminal law: The general part*. Issue 1. Juriev, K. Mattisen printing house. (in Russian).
Пусторослев П.П. Русское уголовное право: Общая часть. Вып. 1. Юрьев : Тип. К. Матисена, 1907. 546 с.
- Sergeevskii, N.D. (1911) *Russian criminal law: A study guide. General part*. 9th ed. Saint Petersburg, M.M. Stasiulevich Printing House. (in Russian).

- Сергеевский Н.Д.* Русское уголовное право: пособие к лекциям. Часть Общая. 9-е изд. Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1911. 397 с.
- Skoblikov, P.A. (2023). Execution of the law as a circumstance precluding the criminality of an act: Criminal code of 1903 and contemporary Russian legislation. *Zakon*. (11), 147–156. <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2023-20-11-147-156> (in Russian).
- Скобликов П.А.* Исполнение закона как обстоятельство, исключающее преступность деяния: Уголовное уложение 1903 года и современное российское законодательство // *Закон*. 2023. № 11. С. 147–156. <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2023-20-11-147-156>
- Skoblikov, P.A. (2019) Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation 2017–2018 on the protection of the rights and legitimate interests of persons affected by crimes. *Criminology: yesterday, today, tomorrow*. 3(54), 57–67.
- Скобликов П.А.* Постановления Пленума Верховного Суда РФ 2017–2018 гг. по вопросам защиты прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2019. № 3(54). С. 57–67.
- Slavin, I. (1931) *Sabotage on the frontline of Soviet criminal law*. Moscow, Sovetskoe zakonodatel'stvo Publ. (in Russian).
- Славин И.* Вредительство на фронте советского уголовного права. М. : Советское законодательство, 1931. 111 с.
- Solovev, O.G. (2016) On the question of the correlation of abstract and casuistic methods in the construction of norms of criminal law. *Actual problems of humanities and natural sciences*. (2–3), 231–233. (in Russian).
- Соловьев О.Г.* К вопросу о соотношении абстрактного и казуистического приемов в конструировании норм уголовного права // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2016. № 2–3. С. 231–233.
- Stuchka, P. (1918) Proletarian Revolution and the Court. *Proletarian Revolution and Law*. (1), 1–8. (in Russian).
- Стучка П.* Пролетарская революция и суд // *Пролетарская революция и Право*. 1918. № 1. С. 1–8.
- Yevtushenko, E.A. (2016) On the development of the institution of circumstances excluding the criminality of an act in the criminal legislation of Russia. *Electronic bulletin of the Rostov Socio-Economic Institute*. Issue No. 1 (January-March), 254–262. EDN XHSUKL. (in Russian).
- Евтушенко Е.А.* О развитии института обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном законодательстве России // *Электронный вестник Ростовского социально-экономического института*. 2016. № 1. С. 254–262. EDN XHSUKL.

Сведения об авторе:

Скобликов Петр Александрович – доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, сектор уголовного права, уголовного процесса и криминологии, Институт государства и права РАН; 119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
ORCID: 0000-0001-7875-7036; SPIN-код: 8001-2807
e-mail: skoblikov@list.ru

About the author:

Petr A. Skoblikov – Doctor of Legal Sciences, Leading Research Fellow in the Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology Department, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., Moscow, 119019, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-7875-7036; SPIN-code: 8001-2807
e-mail: skoblikov@list.ru